

Пейзаж под замком

Вот какой под шестьдесят
из окошка вид —
грозы гроздьями висят,
виноград привит

к сизой тени на стене,
к тени на окне,
ко всему, что есть вовне
или не вовне.

А как свянет виноград,
как его побьёт —
самый зимний час утрат
наземь упадёт,

упадёт, заговорит
зимним языком,
будто вьюгою накрыт,
спрятан под замком

до весны или зимы
переломных лет...
Взять бы, что ли, их взаимы,
так отдачи нет.

Общий голос

Глуше,
 глуше,
 глуше,
 глуше
боль по другу и отцу.
Ну же,
 ну же,
 ну же,
 ну же —
жизнь и впрямь идёт к концу.

Я
 её
 переживаю,
здесь ли,
 там ли проживаю,
я её и так и сяк,
я почти уже иссяк...

Жизнь и впрямь идет без правил.
Друг был первый, кто оставил,
кто состарил,
 кто разъял,
а меня с собой не взял...

Друг — ушёл,
 отец — остался,
голос в трубке раздавался,
краток,
 долг,
 громок,
 тих,
главный голос нас троих.

Главный голос — как поступок,
пусть и ломок он, и хрупок
в трубке чёрной и глухой
между ухом и щекой...

Но и он —
 иссяк и сгинул,
сам себя из трубки вынул,
стал отныне никаким,
общим голосом мужским.

Кровный друг мой,
 кровный предок,
что скажу я напоследок
в чёрной трубки чёрный зев,
вас расслышать не успеv? ..

Телефонные стансы

1

Увидеть бы себя таким —
с пушком ребячьим на щеке,
глотающим табачный дым
в чердачном жарком закутке,
в компании зудящих ос
и вечно ткущих паучков —
до жёлтых жал и сизых слёз
и до невидящих зрачков.

2

Почуять в сердце звон и зной,
и шаг по санной борозде,
и голос: «Если ты со мной...»,
и звон опять, незнамо где,
и вспомнить снова чёрный диск,
и шестизначное «Г -7-...»,
и гардероба обелиск
в мехах, как будто насовсем.

3

Прости, настенный телефон,
в ладони тяжкий, как свинец,
что я отсюда вышел вон,
квартиры общей не жилец,
что ты остался там висеть
тому вперёд, тому назад

попавших в кабельную сеть
лет сорок или пятьдесят.

4

Кому она теперь звонит,
зачем она осталась там,
чья жизнь возводится в зенит
и бродит по её следам?
Я не увижу, не прочту
ни по следам, ни по глазам
тот номерок, страничку ту,
косичку, что оставил сам.

5

Сидит за книгой антиквар
и держит пёрышко в руке,
и время вертит, как товар,
к нему идущий налегке.
Но я, в аду или в раю,
у зыбкой жизни на краю,
ни жизнь свою, ни смерть свою
не прячу и не продаю.

Человек, которого забыли

Человек, которого забыли,
от всего, чем жил он, вдалеке,
сивой смесью воздуха и пыли
делает пометку в дневнике —
левая и правая граница,
почерка связующая нить —
чтобы как-то с кем-то объясниться
и себе хоть что-то объяснить,
самому, быть может, оправдаться
или же забывших оправдать...
За окном привычная прохладца,
сумерек сырая благодать.
Вот он смотрит, будто из колодца,
на сторонней жизни торжество.
Большого ему не остаётся,
кроме эха, больше ничего.

Посвящение V. D.

1.

С ни во что не впадающей ржавой рекой,
с дымным воздухом, волчьим и лисьим,
с ни за чем провисающей третьей строкой
ни в одном из рифмованных писем,
с исчезающей речью, какой-никакой,
жил я, пуст, жил я, слаб и зависим

от своей пустоты, слепоты, маеты
меж углами, дворами, домами,
в тех же комнатах, в пору кромешной тщеты,
где порой ночевали мы сами,
где, задолго до встречи, бывала и ты,
словно время смеялось над нами.

И дома без обоих казались ничем
и никем от походки неловкой,
и тогда открывался морозный эдем
с горячительной белой головкой,
чтобы вспомнить: «кому...», повторяя: «повем...»,
нарезной заедаю дешевкой,

чтоб сегодня друг другу поведать: мы тут,
мы вдвоём, двадцать лет или двести,
и взгляни, как в эдеме деревья растут
на не тронутом инеем месте,
у реки, пробивающей новый маршрут
птице, рыбе, посланью и вести.

2.

... и ничего за тем, что мы зовём
жильём, душой, заначкой никотинной,
где воздух, словно серый водоём,
смыкается над серою низиной,
над каменной брусчаткой городской,
как звук меж рифмой женской и мужской;

и ничего за этим и за тем,
что в три дорожных сумки уместилось
и по одной из солнечных систем
потерянной планетой покатилося
и сквозь контроль таможенный двойной
прошло меж той и этою страной;

и ничего за тем, что было там
и стало ныне глиной или пылью,
сродни привычным городским чертам,
обложенным древесною ванилью,
небесной пудрой, солнечным медком
с каштанчиком и с инеем-ледком;

и ничего за тем, что мы с тобой
семейственностью нашей называем,
с иноязыкой пёстрою толпой
к иноязыким странствуя трамваям,
за скудным тем, что мы приобрели
на этой оконечности земли;

и ничего ...